

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
1. О профессии	17
2. Правила игры	26
3. Начало	37
4. Вопросы теории	49
5. От Фрейда к Биону	66
6. Психоаналитическое «путешествие» налегке	81
7. Теория поля	92
8. Техника	108
9. Сновидение	115
10. Прочее	141
СЛОВАРЬ	147
БИБЛИОГРАФИЯ	156

ВВЕДЕНИЕ

Антология неудобных размышлений

Признайтесь, верующие, что вы цените свои убеждения еще и за то, что они дают возможность отдыхать разуму.

Антонио Фозаццаро

— Вы до сих пор используете кушетку?

— Что, если нам работать в тандеме? Ты объяснишь пациенту теорию возникновения проблем, а я проведу терапию?

— Доктор, вы занимаетесь исключительно прошлым или мы можем поговорить о моем настоящем?

По роду деятельности мне приходится часто обсуждать психоанализ с коллегами, друзьями и пациентами, и, резюмируя общее впечатление, могу сказать, что в большинстве случаев к нему относятся как к старомодной академической дисциплине, изобретению склонных к самокопанию интеллектуалов, которые рассчитывают достичь относительного комфорта повседневной жизни в обмен на годы страданий (или наслаждения) в кабинете аналитика.

Такое специфическое отношение к дисциплине, которой я с удовольствием продолжаю отдавать так много времени, сил и средств, сформировалось вследствие извечного противостояния между консервативными институтами и новаторскими подходами. Однако часть вины, нужно признать, лежит на самих психоаналитиках.

Своим появлением в XIX в. психоанализ спровоцировал громкий социально-культурный скандал. Широкая общественность внезапно узнала, что благопристойные дамы могут испытывать отнюдь не благопристойные желания. Взяв мощный старт, психоанализ еще долго сохранял новаторский дух, однако, повторяя жизненный цикл других революций, со временем стал превращаться в режим. В стремлении сохранить «суть» психоанализа аналитики предпочли выбирать менее рискованные направления развития и тем самым способствовали скорее его консервации, нежели движению вперед. В итоге массовое представление о психоанализе свелось к известной карикатурной картинке: пациент на кушетке обливается слезами, а аналитик, сидя у него за спиной, молча клюет носом.

В действительности за 120 лет существования дисциплина сильно эволюционировала. Работа с детьми и подростками привела к появлению новых, менее формальных коммуникативных тактик, а психоанализ пациентов с серьезными нарушениями — к совершенствованию теоретических и практических инструментов. Общественности эта информация практически недоступна, и, на мой взгляд, аналитики прилагают неоправданно много усилий для создания репутации закрытой, элитарной дисциплины. Возможно, это происходит из боязни навредить репутации Фрейда, выставив психоанализ с его внутренними проблемами на суд широкой аудитории, а может быть, из-за опасений чрезмерного упрощения теории при передаче СМИ. Найдется немало причин, чтобы и дальше поддерживать представление о психоанализе как о чем-то малопонятном и отдающем нафталином. Но возникает вопрос: что же делать?

Что делать тем, кто решится-таки на встречу с собой и захочет пройти терапию? Или тем, чьи интересы лежат в области мышления и грез, а не устарелых бихевиористических¹ подходов?

¹ Бихевиоризм – изучение человека или животных через их поведение. – *Прим. пер.*

Что делать новичкам, которые надевают мантию аналитика раз-другой в неделю, а в остальное время работают врачами, учителями или барменами, чтобы иметь возможность оплачивать дорогостоящее обучение и личную терапию? Что делать молодым специалистам, чьи пациенты не приходят на сессии, не оплачивают пропуски и без объяснения причин бросают анализ, оставляя в душе аналитика бездну сомнений? Что делать всем тем, чье сердце, несмотря на перечисленные трудности, продолжает гореть трудно передаваемой на словах страстью?..

Я посвящаю книгу этим мечтателям.

Этот путеводитель, или, если угодно, гид, представляет собой квинтэссенцию работ одного из самых выдающихся аналитиков современности — Антонино Ферро. Я без раздумий поддержал его идею написать книгу в виде интервью, где начинающий аналитик будет задавать вопросы опытному мастеру. И, честно говоря, совершенно не представлял, во что ввязываюсь.

Первые нескольких месяцев я почти не расставался с блокнотом: гуляя по городу, анализируя пациентов, общаясь с коллегами, я механически стенографировал все идеи, боясь упустить что-то важное.

Некоторые из услышанных вопросов вторили моим собственным и повторялись в сознании так часто, что стали превращаться в мантры: «Как пережить уход пациента? Как перейти от насыщенных интерпретаций к ненасыщенным?..» — и далее все, что интересует начинающих аналитиков: понятие аналитической нейтральности, использование кушетки, частота сессий, правила оплаты... Другие вопросы возникали спонтанно в процессе общения с доктором Ферро. Мы обсуждали взаимосвязь теории и практики, феномен проективной идентификации, концепцию трансформаций, значение инсайта, принципы выбора персонажей поля.

Концепция аналитического поля, предложенная Антонино Ферро, — выдающийся шаг в развитии психоаналитической мысли. Следуя заданному Уилфредом Бионом вектору, Ферро смещает фокус терапии с раскрытия содержимого

бессознательного (цель фрейдистского психоанализа) к развитию способности пациента перерабатывать поток сенсорной информации, поступающей из внешней и внутренней реальности, в нечто творческое.

Как мы увидим далее, его подход заключается в создании аналитиком и пациентом совместных историй. По мнению Ферро, именно этот процесс обладает целительными свойствами. Ситуация в кабинете рассматривается не как взаимоотношения двух объектов, а как слияния, в реляционном поле взаимодействия которых рождается бесчисленное множество новых сценариев, каждую сессию разных. Появление и развитие совместных нарративов способствует выходу на поверхность ранее скрытых аспектов. Заторможенные и агрессивные части пациента начинают взаимодействовать с персонажами, созданными в опоре на интуицию и повествовательный навык аналитика. Ферро утверждает, что, появившись на сцене, «Чарльз Бронсон» обсессивного юноши или «Убить Билла» стеснительной докторши имеют возможность трансформироваться в нечто безвредное.

В процессе совместной работы с доктором Ферро я стал замечать, что во мне нарастает странное и тревожное ощущение. Оно было похоже на нечто среднее между впечатлением от прочтения Тавистокских семинаров Биона и состоянием Нео, когда он впервые очнулся от матрицы: «Отказаться от прошлого в пользу будущего», «Отправиться в путь без путеводителя и подсказок».

Вскоре я стал сомневаться, что из книги получится сделать безобидный путеводитель. Путеводители призваны создавать ощущение легкости и комфорта, а в моих записях было слишком много хаоса и неопределенности, вызывающих головокружение. Правда, это было «головокружение не от страха упасть, а от желания летать», как пел Джованотти¹, но летать

¹ Отсылка к песне *Mi fido di te* («Я доверяю тебе») итальянского певца Лоренцо Черубини (Lorenzo Cherubini), более известного как Джованотти (Jovanotti). – *Прим. ред.*

оказалось страшно. Свобода пугала! Когда поддерживаемая всеми идея о необходимости обновления психоанализа обрела в моих глазах, наконец, конкретного исполнителя, готового воплощать ее в жизнь без оглядки на привычные рамки, стало не по себе. Каково это — утратить все ориентиры?

Я начал чаще думать о Фрейде, который действительно «многое сделал». Вспомнил, что всегда относился к его ранней работе «Проект научной психологии» не как к просто историческому документу. Что так и не дочитал до конца (говорю это шепотом) «Толкование сновидений» — не то из-за лени, не то из-за юношеского иконоборческого нигилизма. При этом я понимал, что все это — прошлое. Блистательное и великолепное, но прошлое. А настоящее — это Глен Габбард, Томас Огден, Мадлен и Уилли Баранже.

В это время Ферро с бескомпромиссностью убежденного в своей правоте эксперта предлагал отправить все труды Фрейда... в архив! Я сомневался: «Неужели все до единого?» А как же «Воспоминание, воспроизведение и переработка» или «Печаль и меланхолия», которые так сильно на меня повлияли?! Ферро продолжал. Он утверждал, что в чтении Фрейда нет смысла, по крайней мере в том случае, если нас интересует понимание современной клинической практики. Предлагал признать, наконец, что отец психоанализа давно превратился в «дедушку», и двигаться в будущее.

Одна часть меня стала внутренне защищать Фрейда — его немногословную аналитическую технику (хотя сам страдаю излишней болтливостью), определенные начала и окончания сессии (позволяющие идентифицировать себя в качестве аналитика, а не фокусника, например). В конце концов, думал я, испытывать страх перед неизвестным — это нормально, и нет ничего предосудительного в том, что начинающие аналитики ищут защиту в теориях и практиках предыдущих поколений.

Другая часть меня была рада встрече с единомышленником, уверенным, что психоанализу для выживания необходим рывок в будущее. Мы продолжаем отмечать дни рождения Фрейда, как

будто он был Джоном Ленноном. Может быть, стоит, наконец, проститься? Проводить его с любовью и уважением, как делают в случае с близкими родственниками, и пережить сепарацию. А заодно отказаться от психоаналитических анахронизмов в виде самореферентности, снобизма, теоретической голословности, стремления во всем видеть родительский перенос, чтобы психоанализ предстал наконец современным передовым методом, а не старомодной практикой с налетом религиозного догматизма (каким рисуют его отдельные СМИ).

Самим аналитикам это нужно не только для успешного разрешения нарциссических проблем идентичности (хотя для начинающих это тоже важно). Речь идет также о профессиональных и финансовых инвестициях, от которых зависит их дальнейшее благополучие.

Ферро предлагает устремленный в будущее перспективный подход. Своей мощью и кажущейся простотой его психоанализ порой напоминает темную сторону силы джедаев. Одни сразу вступают в его ряды, другие осторожничают, поскольку их опыт подсказывает, что психоанализ и яркие лозунги несовместимы, а крылья идеализации смазаны воском.

Что до меня, то я выбрал не самый быстрый путь — диалектический. Он заключается в сопоставлении разных теоретических концепций с собственным клиническим опытом, и в практике перехода от трансферентных насыщенных интерпретаций к увлекательной, хоть и непонятной игре нарративов.

Эта книга не оставит читателей равнодушными. Что-то в ней покажется весьма убедительным и встретит явное одобрение, а что-то — слишком простым, тенденциозным или даже радикальным до такой степени, что вызовет раздражение.

Ферро и вправду радикален! Его психоаналитическое становление происходило в посткляйннианский¹ период, когда

¹ Мелани Кляйн — известный британский психоаналитик, создательница теории объектных отношений. — *Прим. пер.*

анализ характеризовался мгновенными и даже агрессивными интерпретациями переноса. Но после знакомства с трудами Биона Ферро изменился. Стал более раскрепощенным и перешел от работы *над* пациентом к работе с пациентом (как с «лучшим коллегой»). А далее, опираясь на принципы симметрии и сотрудничества, доводя свои идеи порой до чрезмерных, рискованных и даже бестактных степеней (взять, к примеру, критику фрейдизма), он создал постбионианскую теорию поля.

Ферро прекрасно осознает значимость своего вклада в психоанализ и при этом, как мне видится, готов в будущем разделить участь, которую сегодня пророчит Фрейду. Кануть в Лету! А пока Ферро готов послужить нам очередной ступенью вверх, а лучше сказать — стартовой площадкой для «космических кораблей», готовых продолжить исследование загадок человеческого разума.

— Я хочу понять...

— Что?

— Все, все это! — Я показал вокруг.

— Поймешь, когда забудешь то,
что понимал раньше.

Итало Кальвино.

Происхождение птиц

О ПРОФЕССИИ

Все, что ты можешь, — это болтать и тыкать значком, болтать и тыкать значком, только болтать и тыкать значком!

К/ф «Неприкасаемые»

(The Untouchables,

реж. Б. Де Пальма, США, 1987)

ЛУКА НИКОЛИ: Эта книга задумывалась как гид по выживанию для молодых, начинающих психоаналитиков, поэтому для начала я хочу вас спросить: какие сложности ожидают их в этой профессии?

АНТОНИНО ФЕРРО: Начнем с того, что независимо от реального возраста всем психоаналитикам предстоит отстаивать право быть молодыми. Недавно я читал интервью одного итальянского коллеги, часть которого была посвящена разбору поведения другого, 62-летнего, психоаналитика. Последнего критиковали за то, что, вместо того чтобы почтительно внимать докладчикам во время профильных конференций, он устраивал регулярные и жаркие дискуссии. Мне кажется, хороший пример проявления молодости в 62 года!

Я очень надеюсь, что когда-нибудь психоаналитические организации начнут учитывать нашу биологическую недолговечность и смягчат требования к аттестации новых членов таким образом, чтобы мы могли называть молодыми аналитиками людей в возрасте 30–40 лет. А пока «плата за вход» будет держаться на уровне четверти века, придется иметь дело с 50-летними «молодыми» кандидатами и 60-летними «молодыми» специалистами¹.

— **Спасибо, но я имел в виду...**

— Ортодоксальные тенденции в психоанализе — это большая проблема, поскольку избыточное стремление к сохранению традиций блокирует развитие новых идей. Отчасти такое положение дел вызвано уже упомянутым возрастным сдвигом. Давайте признаем, что 60-летний тренинговый аналитик, обучавшийся своему ремеслу в 1980 г., будет преподавать студентам в 2015 г. психоанализ 30-летней давности. Даже тот, кто старается идти в ногу со временем и много работает, подвластен его влиянию.

С другой стороны необходимо признать, что психоаналитическому сообществу свойственны те же процессы, что и сообществам религиозным, когда живые и наполненные идеи превращаются в статичные символы, своего рода «Господи, помилуй», основная ценность которых заключается в возможности идентифицироваться с группой с помощью регулярного совместного повторения. И речь не только о повсеместном цитировании Зигмунда Фрейда (надо сказать, Европа грешит этим больше, чем США), а вообще о привычке принимать все просто на веру. Возможен ли другой путь? К примеру, Уилфред Бион на одной из *Тавистокских лекций* предложил отказаться от дальнейшего использования концепций переноса

¹ Кандидат, член, специалист — это разные статусы в психоаналитических организациях, между получением которых может пройти несколько лет. — *Прим. пер.*

и контрпереноса, сыгравших важнейшую роль в развитии психоанализа, чтобы полностью сосредоточиться на развитии созданного на их базе наследия.

Вы можете заметить противоречие. С одной стороны, я критикую ортодоксальность, а с другой — цитирую Биона. Что ж, это правда. Мне еще лишь предстоит избавиться от этой болезни.

Я думаю, что всем психоаналитикам (не только молодым) необходимо учиться противостоять натиску собственных знаний. Если вы принимаете идею существования бессознательного (или того, что сегодня называется этим термином) и планируете с ним взаимодействовать (то есть взаимодействовать с неизвестным), то необходимо забыть все, что вы узнаете во время сессии, сразу после ее окончания. Внимание, взгляд и слух аналитика должны быть устремлены вперед. К неизвестному.

Аналогичный подход справедлив и в отношении теорий. Лучше забыть их, чем пестовать или защищать от критики. Изученные теории — это пройденный путь. Ступень за ступенью мы поднимались с первого этажа на второй, со второго на третий, с третьего на четвертый, с четвертого на пятый и теперь, дойдя до седьмого этажа, имеем полное право с гордостью оглянуться назад и полюбоваться результатом, отдав дань уважения всем, кто помог достичь этого уровня! А после этого продолжить свое восхождение, чтобы открывать следующие этажи или даже создавать новые. Это естественный процесс!

Задумайтесь, какое пагубное влияние на развитие психоанализа оказывают похожие наставления. «Негативный перенос должен быть обязательно интерпретирован!», «Негативный перенос должен интерпретироваться таким образом!..». Вы наверняка не раз слышали нечто подобное во время обучения или профильных конференций. На мой взгляд, это крайне жесткие и ограничивающие директивы. Задача аналитика в том, чтобы каждую сессию открывать новые истины и перспективы в зависимости от того, каков сегодня пациент и каков аналитик.

Световое загрязнение¹ собственными знаниями — большая проблема. Вспомните мощные сгустки искусственного освещения при полете к ночному Нью-Йорку, которые лишают его жителей возможности видеть небо, звезды и, конечно же, темноту. При этом, если городской житель окажется в менее освещенной местности, его зрение адаптируется и он начнет видеть во мраке. Тут может возникнуть вопрос: «Выходит, что молодые аналитики (или те, кто сражается за свою молодость) имеют преимущество в работе с неизвестным по сравнению с более опытными коллегами?» Что ж... недавно на супервизии начинающий аналитик одной фразой сформулировал интерпретацию, которая больше часа вертелась у меня на уме, но не находила четкого выражения.

Австрийский драматург Артур Шницлер, посвятивший психоанализу многие годы, однажды написал: «Эдипов комплекс настолько увлек аналитиков, что затмил прочие комплексы, которые буквально растворились в “световом загрязнении” Эдипа». Зацикленность на том, что знаешь, разрушительно влияет и на теорию, и на практику психоанализа.

— Чтобы увидеть новые звезды, нужно выполнить ряд условий. Во-первых, вспомнить, что небо находится над головой. Во-вторых, подобрать необходимую оптику, потому что в случае близорукости (как у меня) или астигматизма есть риск вообще ничего не увидеть. Думаю, это самое важное, хотя, вероятно, есть и другие требования. При выполнении каких условий психотерапия может называться психоанализом? Что самое важное?

— С тем, что небо находится над головой, не все так просто. Однажды во время путешествия по Южному полушарию

¹ Световое загрязнение (иначе – засветка) – засвечивание ночного неба искусственными источниками освещения, свет которых рассеивается в нижних слоях атмосферы, мешая астрономическим наблюдениям и изменяя биоритмы живых существ, порой приводя их к гибели. Иногда это явление называют световым смогом. – *Прим. ред.*

я решил взглянуть на ночной небосвод и буквально оторопел, потому что совершенно его не узнал. На месте знакомой мне Полярной звезды сиял Южный Крест!

Если вы просверлите Землю насквозь (к счастью, психоанализ предоставляет нам такие возможности) и заглянете в полученное отверстие, то увидите совершенно другое небо. Этот пример, может, и не самый реалистичный, но я просто хочу показать, что все зависит от перспективы. Что касается главных условий... Не знаю, как будет выглядеть психоанализ в далеком будущем, но сегодня и в обозримой перспективе самое важное — это пациент, аналитик и сеттинг. Так выглядит необходимый минимум! Я убежден, что идентификация психоаналитика с профессией происходит исключительно в рамках сеттинга с тем, кто соглашается занять позицию пациента. Все остальное время мы обычные люди с хорошим образованием и определенным мировоззрением. Психоанализ, скорее всего, поможет вам лучше понять фильм или книгу, однако социология или антропология дадут ему в этом сильную фору.

На мой взгляд, психоаналитики выглядят смешно, когда пытаются казаться психоаналитиками, и единственная ситуация, в которой они выглядят серьезно, — это кабинет, пациент и сеттинг. Когда соблюдаются эти условия, происходит важная метаморфоза. У аналитика возникает способность чувствовать, мыслить и метаболизировать страдания пациента. Внести ясность в чужое сознание своим присутствием, участием и желанием оказать помощь. Собственно, это и способствует исцелению, пусть всегда относительному, пусть с маленькой буквы «и». Но именно этот процесс происходит в анализе. В этом особенность нашей профессии.

— Я согласен, что исцеление — это главная функция психоанализа, но мы должны понимать, каков главный целительный фактор. Вопрос, который традиционно адресуется всем направлениям и инструментам терапии. Современным пациентам доступен широкий спектр

психологической помощи: когнитивно-поведенческая терапия, конструктивистская терапия, системная терапия и так далее. Думаю, всем будет интересно узнать, в чем же состоит специфика психоанализа.

— Бессознательное, бессознательное и еще раз бессознательное... Психоанализ невозможен без принятия идеи бессознательного измерения. Не важно, как оно воспринимается, — с традиционных фрейдистских позиций как хронологически упорядоченная и вытесненная из сознательной области информация, которую в ходе анализа можно дешифровать и вернуть обратно, — самое раннее и наивное представление о феномене. Или как многоуровневая, инфраструктурная и непрерывно изменяющаяся формация. Совместное произведение аналитика и пациента в сессии, которое можно научиться делать более функциональным.

Сегодня мы более-менее понимаем, как выглядит инструментарий, позволяющий осуществляться этому процессу. Я специально говорю «сегодня», потому что через 20–30 лет все может измениться и мы будем говорить о более продвинутых вещах. На что я искренне надеюсь. Сегодня же все эти инструменты имеют онейрическую¹ природу. Это феномен трансформации сенсорного восприятия реальности в визуальные картины; это механизм действия и фактические проявления реверси; это способность человека (аналитика) *дриминговать*² и демонтировать коммуникацию другого человека (пациента), создавая новые смыслы и не существовавшие раньше миры. Применение этих инструментов позволяет осуществлять интеллектуальную и чувственную трансформацию самых твердых психических блоков в эмоции, чувства и мышление. Аналитик «сновидит» необработанный (и ставший симптомом) материал пациента, делая его мыслимым, выдерживаемым,

¹ От греч. «онейрос» – сновидение; связанный со сном. – *Прим. пер.*

² От англ. *dreaming* – грезить, мечтать, сновидеть, воображать. – *Прим. пер.*

наполненным. Он трансформирует разрозненные нарративы в новые устойчивые смыслы. Превращается в еще один источник сенсорных данных, который поставляет в мир снов и бессознательного пациента уже переработанные психические элементы. Аналитик — это соавтор бессознательного.

Я думаю, что из всех возможных ролей самая важная для аналитика — это роль волшебника, который с помощью магии слов, звуков и метафор изгоняет демонов и укрощает драконов. Преобразует внутреннюю реальность пациента, создавая пространство для творчества, воображения и абсурда.

Однажды Толстой, рассказывая о своем детстве, вспомнил, как они с товарищем придумали игру в «паровоз из стульев». Они сильно радовались этой затее, пока не пришел старший брат и не разломал конструкцию со словами: «Дурацкая игра, это ведь просто стулья».

Аналитик должен действовать прямо противоположным образом — видеть вместо обычных стульев поезд, дворец, фрегат... да что угодно! Он должен вдыхать жизнь в персонажей и истории пациента, не забывая при этом, что он соавтор, а не режиссер сессии, и что созданный в ходе совместного творчества нарратив нужно будет забыть сразу после ее окончания, потому что психоанализ происходит только здесь и сейчас, в присутствии всего двух очевидцев.

— Я долгое время увлекался фэнтези, поэтому не могу пройти мимо метафоры с магией и драконами. Как психоанализ превращается в магию?

— Интересный вопрос. Сложно представить, например, что диспетчер пожарной части в ответ на ваш звонок вдруг скажет, что «пожар — это ваши невыносимые эмоции...». Диспетчер пожарной части должен действовать адекватно. Не менее странно будет, если в ответ на историю друга о растущих на его теле родинках я не посоветую ему незамедлительно обратиться к дерматологу. Но что мне делать, если на родинки пожалуется пациент в сессии? Все, конечно,

зависит от обстоятельств, но я могу обратить внимание, скажем, на плед с темными пятнами, которым он прикрыл ноги. На то, что плед похож на овечью шкуру, из которой клочьями вырвали шерсть, на месте которой теперь виднеется темная кожа. Как будто овца начала превращаться в леопарда. И если бы пациент продолжил говорить о растущих родинках, то темные пятна на шкуре могли бы расплзаться до тех пор, пока овца не превратилась в черную пантеру.

Таким образом, рассказ о родинках, превращается в историю о преображении пациента в овцу, леопарда и, наконец, черную пантеру! Заметьте, магия уже началась, хотя пока обходится без драконов. На месте аналитика я бы подумал, что кушетка должна быть достаточно прочной, чтобы выдержать все флуктуации пациента. Разумеется, нет никакой прямой связи между историей о родинках и «Книгой джунглей». В сессиях могут спонтанно рождаться самые разные нарративы, открывая путь к бессознательному и пациента, и аналитика.

У диспетчера пожарной части и аналитика принципиально разные задачи. Первый должен реалистично воспринимать поступающую информацию, а второй — пропускать ее через «магический фильтр», базирующийся на способности играть и грезить во время сессии.

— Если попросить знакомого аналитика порекомендовать специалиста для личной терапии, то, скорее всего, он задаст вопрос: «Мужчину или женщину?» Влияет ли пол аналитика на репертуар историй, которые будут появляться в сессиях?

— Пол аналитика очень важен до начала анализа и совершенно не важен после. Люблю, когда получается ответить коротко!

Ожидание первой встречи сопровождается множеством фантазий на тему мужчин и женщин, но после начала терапии на первый план выходят другие аспекты: состояние психики

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru